

Максим Замшев

ВОЛЬНОДУМЦЫ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Февраль 2019 года

День был полон вязкого снега и внезапного горя. И вот теперь, в этом неприятно покачивающемся купе, он совсем растерялся. Молил Господа, чтобы всё кончилось хорошо.

Слепая, бессмысленная мольба.

Подобно многим русским мальчикам, он рано начал негодовать от бездействия Бога. Если Он есть и Он всемогущ, почему чудесные люди страдают, а мерзавцам выпадают длинные, сытые и весёлые судьбы? Как Он это допускает?

Но сейчас просить о пощаде некого.

Такое не часто случается, но купе с ним никто не делил. Нераспакованные комплекты белья в целлофановом смирении лежали на двух верхних полках и на соседней нижней.

Он выключил весь свет. Надеялся, темнота подействует успокаивающе. На грязноватом окне – трогательные, почти декоративные шторы. Вдали, сквозь толстое стекло, поблёскивали огни фонарей. Что они освещали? Многокилометровые автобаны с белой разметкой, где автомобили подчёркивают всеобщее отчуждение; крошечные посёлки с сиротскими

избами, в которых ставни годами заколочены, а на стенах тут и там приклеены много раз уже вымокшие объявления о продаже; бензозаправки с невкусным кофе и чёрствой выпечкой, стаи собак, рыскающих в поисках пищи, или что-нибудь ещё, диковинное и невиданное, чего себе не представишь?

Мимо стремительно проносились невесёлые полустанки с пустыми перронами. Ему не прочесть их названия на такой скорости, но где-то на картах, в расписаниях, в паспортах местных жителей они значились.

В дверь с дежурной настойчивостью постучали. Он нехотя встал с жёсткой неудобной полки, отодвинул дверную панель. Проводница принялась выспрашивать, не желает ли он чаю или купить сувениры. Голос звучал так, словно внутри у неё ожил портативный магнитофон. Он попросил принести один стакан чая с лимоном. От сувениров отказался.

Горькие мысли о болезни сестры, о её тяжкой участи сменялись беспокойством за любимую девушку, которая, слава Господу, здорова, но то, что он недавно узнал о ней, крепко расстраивало. Надо же ей заниматься такой чудовищно опасной чепухой! Да и он ещё, старый дурак, потекает ей.

Двойная тревога. Двойная боль.

Всё страшно, всё серьёзно, всё, скорее всего, кончится плохо. И он не в состоянии противостоять этому. Он утратил что-то. Он совсем к этому не готов, сейчас это ясно. Боже! Верни! Ты так часто забирал!

Когда-то у него были и брат, и сестра.

Но Веня попал под электричку. Давным-давно он живёт без старшего брата. Только сестра. После смерти родителей единственный родной человек. И она – в беде.

Он плохо помнил своё детство, слишком ровным и счастливым оно выдалось. От него сперва, разумеется, как от маленького ребёнка, гибель брата утаивали. Потом отец ему открыл правду, убедив, видимо, себя, что благостный обман больше ни к чему. После этого день за днём, год за годом боль избывали тем, что не будили её. Он привык, что смерть Вениамина просто факт, ни с чем не связанный и ни на что не влияющий. О ней никогда никто не напоминал.

С каждым часом, проведённым им в этом купе, духота нарастала. Воздух, теряя кислород, набирался тягостной силы, наваливался на него всей своей плотностью, душил, сковывал грудь. Он дышал как можно глубже.

В детстве он иногда задыхался ни с того ни с сего. Почему это происходило – он не помнил, но повторения той паники боялся по сей день. Сейчас потребовалось немало усилий, чтобы дыхание хоть как-то восстановилось. Тень того старого ужаса едва не воскресла.

Колёса между тем застучали яростнее, будто у них кончались силы и надо было дотянуть до ближайшей станции во что бы то ни стало. Внутри поезда что-то заскрежетало, купе резко качнулось, и комплект белья, шурша целлофаном, свалился с полки на пол.

* * *

Сегодня, несколькими часами ранее, сестра, как он её ни отговаривал, поехала с ним на вокзал и осталась на скользком, заваленном окурками перроне до самого отправления поезда. Потом, когда он зашёл в вагон, отыскала окно его купе и смотрела

через стекло со спокойной ясной любовью. Как всегда. Во взгляде – ничего необычного. Будто всё как надо. Энергично и почти дежурно помахала ему на прощание. Так машут, когда расстаются на короткое время.

Ему не нравилась Самара. Он жалел, что Вера вышла замуж за самарца и поселилась в этом волжском разлапистом, вытянутом, но в то же время тщетно стремящемся к вертикальности городе. Он с трудом принимал, что его сестра, очевидно, счастлива в Самаре, сжилась с городом, прикипела к нему. «Почти ничего московского в ней не осталось», – иногда расстраивался он. Сама Вера, кстати, этого не поддерживала. Настаивала, что оба города для неё важны. Но жила тем не менее в одном. Хорошо, что не в Нью-Йорк подалась. До Самары меньше двух часов лёта. Хотя вряд ли на планете Земля существовало расстояние, способное ослабить их кровную молчаливую связь.

Иногда завидовал ей: он до самой смерти родителей жил с ними, и это во многом сдерживало его, разжигало, мешало нащупать своё, то, что нужно только ему. А когда они исчезли из мира этого, перейдя в мир иной, оказалось, что ему поздно начинать то, чего он ещё не начал. Семья, дети, устройство быта, социальный рост – ему, на тот момент уже давно разменявшему пятый десяток, всего этого толком не успеть. Прежде его отношения с женщинами не приводили к чему-то серьёзному из-за распространяемой на него оберегающей и в то же время подавляющей воли отца и всегда согласной с ним матери. Это не позволяло ни одной претендентке вылепить из него главного мужчину своей жизни.

Конечно, полюби он сам навзрыд, безвозвратно, то ничего бы не помешало этому чувству. Но он, че-

ловек начитанный и тонкий, такую любовь боязливо полагал реальной лишь в книгах.

После того как вышла замуж, сестра сразу, без обсуждений, уехала из родного дома и родного города, но отношения с братом и родителями сохранила теплейшими. Часто навещала их, звонила обязательно каждый день, какими бы хлопотами ни была поглощена. И это не мешало ей строить семью, растить детей, отлаживать быт, всё помнить, всё предусматривать, никогда не показывать, что чем-то удручена, никогда не срывать свою досаду на других.

Её муж занимался писательством ещё до развала страны, очень рано по меркам тех лет вступил в Союз писателей СССР и на местном самарском уровне звездил не на шутку, собираясь вот-вот засиять и на всесоюзном небосклоне. Новую жизнь, наступившую после 1991 года, молодой литератор впитывал тяжело, но к середине девяностых освоился, купил небольшую типографию и даже немного разбогател. Потом полиграфическое производство местные бандюганы отжали, но он не унывал: всё время чем-то занимался, и порой весьма успешно. С Верой у них родилось двое детей, мальчик и девочка. Евгений, старшенький, как только женился, съехал от родителей, но относился к ним весьма трогательно – навещал, заботился. Лизка же, младшая, с этого года училась в Питере и давала о себе знать лишь по необходимости или когда заканчивались средства. Вера, иногда шутя, иногда почти всерьёз, рассказывала, что Лизавета изображала нестерпимую обиду на родителей, якобы они приспособленцы, никогда ничего не противопоставляли омерзительному путинскому режиму, ни за что толком не боролись, кроме своего мнимого благополучия,

и посему жизнь прожили зря. Ей, как она декларировала, с ними не по пути.

Говоря об этом, Вера неизменно вздыхала и качала головой.

Скоро ли Вера посвятит Лизу в то, что с ней случилось? Об этом они не говорили.

Лиза, её нрав, повадки, всегда импонировала ему. Он жалел, что теперь у неё с родителями всё так напряжённо. Но дело молодое. Может быть, ему не хватало всю жизнь этого раннего бунта против старших?

И вот он едет в поезде в Москву, а сестра осталась в Самаре, больная, несчастная, удручённая, ищущая силы для борьбы.

По купе бродил сон, подстерегал его, высматривал как добычу, подбрасывал воображению свои заставки. Привиделась волжская набережная в Самаре, одно из немногих там мест, не лишённых изящества. Парапет вдруг разомкнулся и медленно, как в рапидной съёмке, обрушился в Волгу, разбрасывая шумные и сильные брызги, обладающие фантастической силой и сметающие все строения на берегу – от прибрежных палаток до высоких домов. А зелёная полоска острова вдалеке с нереальной скоростью разрослась почти до неба, целиком закрыв его собой. Его засасывало болото вязкой дрёмы, кошмар пугал, походил на модный апокалиптический кинопроект, веки его тяжелели, он, засыпая, всё же силился вернуться в реальность, но беспомощно проигрывал в этой битве. Если бы не голос проводницы, он бы проснулся, возможно, только утром.

– Чай, пожалуйста. – Женщина, не обратив внимания, что пассажир спит, зашла в купе, включила

свет и поставила на стол стакан в алюминиевом под-
стаканнике.

Он открыл глаза. Ужас разрушения не отпускал. Купе, проводница, весь антураж – совершенно незнакомы. Где он? Секунды текли, он застрял между сном и явью. Наконец всё встало на свои места.

Проводница оглядывала его, как ему показалось, с насмешливым осуждением. «Вот, мол, заказал чай, а сам дрыхнет».

– Восемьдесят рублей.

Он сунул руку в боковой карман брюк, нащупал тонкую пачку, вытащил её, отделил сильно смявшуюся сторублёвку и дал проводнице. Она сообщила, что сдачу потом принесёт, он отрицательно замотал головой: не нужно.

– Скажите, а вагон-ресторан работает?

– Работает, а чего же ему не работать? – Доблестная служащая РЖД улыбнулась, на секунду обнажив золотую коронку.

– До каких?

– Надраться все успевают. – Она явно претендовала на панибратство.

Судя по запаху, не исключено, что сама уже дёрнула. Хотя вряд ли. Сейчас с этим строго у них. Это в девяностые они и сами пили, и продавали, и пассажиров за мзду брали в своё купе. Просто такая тётка попала, любящая позубоскалить.

Она вышла, оставив дверь в купе чуть приоткрытой.

Он сделал глоток, обжёгся, решил подождать, пока остынет. Вкус лимона куда-то потерялся.

Вагонная тряска не ослабевала. Ложка в стакане немного позвякивала, а сам стакан чуть-чуть двигался к краю стола. Он смотрел на это как замороженный.

Всё это время, после того как полковнику полиции Ивану Елисееву доложили, что внучка его начальника, генерал-майора Крючкова, пропала, он сам просматривал все сводки, надеясь втайне, что Вика Крючкова всё-таки найдётся сама по себе, что нигде не отыщется её труп и что какие-нибудь отморозки не объявят о выкупе. Мало ли почему отключён телефон? Может, зря генерал так настроен? Один день всего. Однако Крючков выяснил, что на учёбе её нет, съездил к ней домой – там тоже. И понеслось. Сослуживцы говорили ему, что один день – это ничего страшного, что рано подключать полицию, но он только мотал головой и настаивал. Ссылаясь на то, что они опоздают, что она никогда не нарушала обещание писать ему каждый день, что она не может не сообщить ему о себе просто так, только если что-то случилось, будто уже заранее знал: всё плохо. За долгие годы работы в полиции Елисеев приучил себя не поддаваться эмоциям – они только мешали. Но сейчас внутри всё бушевало, и справиться с этим пока трудно.

И вот теперь к нему в кабинет, в кабинет заместителя начальника Главного следственного управления МВД России по Москве, придут участники будущей следственной группы по делу об убийстве Виктории Крючковой. Придут посмотреть друг на друга, примут распределение ролей, удостоверятся, что дело особое и нет ничего важнее, чем довести его до конца. Почти как с любым другим делом. Почти.

Подозреваемые уже арестованы. Опера из отделения Раменки, несомненно, довольны таким поворотом: чем быстрее удаётся поймать виновного, тем

скорее следователи приступят к работе, а опера займутся чем-то другим. Вероятно, они в недоумении от того, что их попросили прибыть в ГСУ, да ещё в неурочный час. Зачем?

К вечеру здание Управления опустело. В коридорах не суетились люди, из открытых дверей кабинетов не доносились разговоры.

Елисеев пил уже третью чашку растворимого кофе, и, хоть каждый раз насыпал две ложки, напиток не бодрил. Представлял, что сегодня пришлось пережить его шефу. У него самого не было детей, но родители здравствовали, и он даже мысль о том, что рано или поздно останется без них, яростно отгонял. А тут внучка... Говорят, любовь к внукам сильнее, чем к детям...

Следственная группа наконец собралась. Информации пока немного, в основном то, что сообщил о погибшей её дед.

Из докладов судмедэкспертов и комментариев следователей складывалась первичная картина преступления. Картина, честно говоря, малообъяснимая, со множеством странностей.

Тело Вики обнаружили случайно. Оперативники Раменского УВД получили сигнал об одном наркопритоне и поехали брать торговцев. Когда, повязав хозяев с поличным, они зашли в ванную, то увидели мёртвую девушку, утопленную в холодной воде. Судя по первым признакам, тело там пролежало совсем недолго, хотя, когда труп находится в холоде, процесс разложения замедляется. Сначала думали, это очередная нарकोша, из числа тех, что ошиваются на наркохатах, но потом, приглядевшись, признали ту, что проходила в свежих ориентировках. (Крючков настоял, чтоб фотографию Вики разослали по всем

отделениям.) Держатели притона сначала угрюмо молчали, а потом заявили, будто только что возвратились домой из Майкопа, где навещали больного отца, и не успели даже руки вымыть, как к ним ворвались полицейские. Всё происходящее для них – полный ужас. Они никогда не видели эту девушку прежде. Как она попала в квартиру, для них – загадка. Причастность к изъятым наркотическим веществам хозяева также отрицали. Мол, кто-то подбросил. Однако эту песню запевают почти все, кого ловят с личным на наркоторговле.

Вику сначала, по всей видимости, задушили, потом погрузили в ванну, чтобы изобразить, будто та под дурью утонула сама. Вены исколоты, но при первом же взгляде не оставалось сомнений, что делали это быстро и небрежно, и явно не сама девушка. Ни один мало-мальски опытный человек, глядя на её руки, не заподозрил бы, что она наркоманка. Однако кто-то, пусть крайне неумело и даже глупо, но всё же толкал следствие к версии, что Вика умерла от передоза? Почему всё так нелепо? Убийцу кто-то вспугнул? Помешал закончить имитацию естественной смерти? Но зачем? Следы на горле сразу же говорили об удушении. Тогда разумнее было бы инсценировать повешение. Или это только фантазия и на самом деле никто ничего не инсценировал? Что тогда?

Хозяев квартиры, разумеется, отправили в камеру. Хранение наркотиков! Как ни отпирайся, нашли зелье именно у них. Тем более за двумя братьями-адыгейцами по фамилии Рахметовы тянулась масса тёмных делишек. Старший даже отмотал срок за мелкую кражу несколько лет назад.

Никакого сопротивления захвату и последующему аресту они не оказали. Их предстояло ещё до-

прашивать, проверять алиби, сверять отпечатки. Завтра будет вскрытие тела Вики, эксперты проанализируют всё, что удалось собрать, следователи займутся просмотром записей с камер, примутся искать малейшие зацепки, способные доказать виновность арестованных. А сделать это будет ох как непросто. Совсем не факт, что Рахметовы – убийцы. Зачем им душить внучку генерала и оставлять в собственной ванне? А если кто-то подставляет их? Но зачем?! Елисеев поражался абсолютной нелогичности преступления, будто кто-то взял и объединил разные дела в одно без всяких на то оснований, но упорно при этом доказывает, что они связаны.

– А где те опера, что получили сигнал о наркопритоне? – спросил Елисеев у майора Давида Шульмана, одного из самых опытных и удачливых следов в их Управлении.

– Здесь, товарищ полковник, ждут в коридоре, – бодроотреагировал Шульман.

– Пусть зайдут.

Два молодых парня неуклюже, что выглядело забавно при их атлетичных комплекциях, прошли в кабинет и встали недалеко от двери.

– Доложите подробно, что за информатор вас вывел сегодня на наркопритон, где... – Елисеев осёкся, не поворачивая язык назвать Вику трупом, – где произошло другое преступление.

Один из оперативников почему-то смутился, второй начал несколько лениво объяснять:

– Сегодня утром на связь вышел один из моих агентов, Тигран Алиханов. По его сведениям, на этот адрес ожидалась большая партия наркоты.

– Почему не представились? – Елисеева начинал злить младший по званию. С чего этот опер цедит

слова так, будто объясняет двоечникам урок по десятому разу?

– Капитан Багров. – Ни малейшей попытки изобразить почтительность.

– Лейтенант Соловьёв. – Этот вёл себя вежливее. В их паре он явно ведомый.

– Почему вы ему сразу поверили?

– Он никогда не давал пустых наводок.

– И вот так сразу решили ехать брать?

– А что не так? Там наркоты ведь уйма. Да эти суки ещё и девушку уморили.

– Как вы разговариваете со старшим по званию? – наконец вмешался Шульман.

– Виноват, товарищ майор.

Елисеев устало потёр глаза. Ввязываться в перепалку несолидно. В конце концов, опера правда недоумевают. Они свою работу сделали. Задержали Рахметовых чётко, без форс-мажора. Сообщили о трупе. Но всё равно здесь что-то не так. Что-то не сходится. Так слепо доверять информатору...

– Когда он передал наводку?

– Сегодня днём. Часов в двенадцать или позже. Точного времени сказать не могу. Не помню. Не до этого было. Но мы отреагировали сразу. Получили санкцию – и вперёд. Если бы тянули, они бы уже распродали всё. – Багров всё больше раздражался, но старался сдерживаться.

– Так быстро такую огромную партию? Не лучше ли было выяснить всех покупателей? – Елисеев не стал дожидаться реакции Багрова, чтобы не оставить тому возможности возразить. – Надеюсь, вы знаете, где он живёт, этот Тигран. Съездим, пожелаем ему спокойной ночи. – Елисеев поднялся, давая понять остальным участникам совещания, что на сегодня всё.

Он мог бы что-то уточнить для судмедэкспертов, кинолога, молодого следователя Сергея Туманова, также входящего в группу, но они в этом не нуждались. Все люди опытные. Всем известен свой манёр и свой участок работы.

Поехали на машине полковника. Пробки ещё не рассосались, и Елисей вёл автомобиль нервно, время от времени чертыхаясь. Февральская Москва выглядела замызганной, утомлённой, безрадостной. Небо давилось искусственным светом города.

Осведомитель жил в районе Мосфильмовской улицы, в блочном, но довольно респектабельном по московским меркам доме. В квартире они Алиханова не застали. Им долго не открывали, потом взъерошенная женщина, видимо жена, недовольно пробурчала через щёлку (дверь она поставила на цепочку), что он пошёл в аптеку: голова разболелась, а таблетки нет.

Они решили не вламываться. Похоже, тётка не врала. Если в аптеку – скоро вернётся. Так и вышло. Спустились во двор. Минут через двадцать он вышел из-за угла и не спеша направился к своему подъезду. В руке он держал маленький фирменный пакетик аптеки «36,6». Смотрелось это немного комично. Быстро, видимо, голова прошла. Багров окликнул его:

– Эй, Тигран! Поговорить надо.

Информатор явно насторожился, увидев, что опер не одни. Смирненно сел в припаркованную неподалёку машину. Опера остались снаружи, готовые в любой момент присоединиться к следователям.

Заместитель начальника ГСУ, не глядя на Тиграна, бросил:

– Откуда у тебя инфы, что в квартиру Рахметовых завезут столько наркоты?

Алиханов ответил, не задумываясь:

– Так два торчка туда собирались. Это знатные торчки. Они всегда в курсе, где товар появляется. Они, похоже, не только сами ширяются, но снабжают ещё кого-то. Я их расспросил, что да как...

– А чего это они с тобой разоткровенничались?

– Сказал, что мне самому нужно. Вот они и посоветовали.

– Трогательно. Они взяли и поверили, что ты такой же, как они?

– Убедил. Они мне доверяют.

– Почему? – Полковник стремился поставить Тиграна в тупик, чтобы оценить, врёт ли тот.

– Они часто ошиваются у Дорогомилковского рынка, где у меня точка. Как-то я – ради дела, разумеется, чтобы контакт с ними улучшить, – пожрать им дал.

– В смысле?

– Голодные они были.

– Где же они деньги на наркоту берут?

– Где-то берут...

– Что о них скажешь?

– Имена, фамилии и адреса не спрашивал. Одного кличут Толяном, второй – Тузик. Смешно – правда? Тузик... Они говорили, многие собираются закупиться.

– Прямо магазин какой-то. Хоть вывеску прикрепляй.

– Обычное дело. Вы не в курсе? Это только в кино наркотой торгуют по-особому. В жизни всё просто. – Он то ли усмехнулся, то ли поморщился.

– Ладно. Свободен.

Алиханов ещё некоторое время посидел молча, будто собираясь в чём-то признаться, потом аккурат-

но открыл дверцу и, не обращая никакого внимания на Багрова с Соловьёвым, пошёл к своему подъезду.

Елисеев, говоря с ним, с трудом сдерживался, чтоб не врезать ему по морде!

Оперативников, весьма ошарашенных происходящим – можно же засветить агента, – Елисеев и Шульман отпустили.

– Ну, что скажешь? – Полковник курил крайне редко, но сейчас был как раз такой случай. Пепел стряхивал в открытое окно. Наедине они с Шульманом переходили на «ты». При подчинённых полагали это излишним. Хотя с годами «ты» укоренялось между ними всё больше.

– Жаль генерала.

Елисеев никак не отреагировал. Давид редко сразу говорил то, чего от него ждали. Иван выпускал дым, рассматривал его – густой.

– Я смотрю, тебя тоже не впечатляет идея с братьями-убийцами? – Шульман принял вид чуть ли не мечтательный. Его мимика почти никогда не соответствовала ни его словам, ни его мыслям.

Елисеев угрюмо кивнул.

– Однако найдутся ведь те, кто примется их колоть, вышибать показания? Или нет?

– Пока дело у нас, – Елисеев жадно затыкнулся, – беспредел никому не позволю. Если в этом деле невинные возьмут вину на себя – грош нам всем цена.

– Это ясно. Удивил! Я как бы в курсе. Хм... Но сам понимаешь. Ты не министр внутренних дел. Ладно... Давай сначала попробуем начать. Всегда полезно. Что нам известно о Вике? – Шульман немного поёрзал, стремясь сесть поудобнее. – Дедушка –

генерал-майор Крючков, родители служат по дипломатической части, сейчас в командировке в Сербии. Училась в РГГУ. Жила в родительской квартире на Цветном бульваре. С дедушкой и бабушкой отношения тёплые, часто ночевала у них. Потом бабушка умерла. Отношения между дедом и внучкой сохранились, но чаще раза в неделю она у него не бывала. Жила самостоятельно, но без проблем, никаких происшествий, загулов, наркоты и прочего. Это всё со слов генерала. Но ничего другого не имеется. Как она попала к Рахметовым – непонятно. Такие девушки по таким местам не ходят. Однако её одежда аккуратно висела на вешалке. Загадка.

– И мобильный телефон её исчез.

– Да. У арестованных братьев его нет.

Полковник выбросил сигарету в окно.

– Одни домыслы. Тебя подвезти куда-нибудь?

– Не надо. У меня тут ещё парочка дел образовалась.

Шульман вылез из автомобиля. Дверь не закрыл. Пришлось Ивану тянуться через весь салон.

Елисеев не стал ничего спрашивать у Давида. Шульман любил работать в одиночку. Это вызывало у начальства неизменный гнев, в том числе и у самого Елисеева, пока он не привык, что майор неизменно достигает результата и лучше ему не мешать.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА